

К 90-летию со дня рождения Сергея Есенина

ЭТО БЫЛО сразу после войны.

Я уезжал из Москвы к себе на родину в Калининскую область и зашел попрощаться к Елене Александровне Благиной. И она дала мне в дорогу небольшую, но драгоценную книжку Есенина — одно из его ранних прижизненных изданий.

После Москвы, после пятилетней разлуки, вызванной войной, маленький тверской городок Лихославль казался еще меньше. Я жил на его окраине, скорее, деревенской, чем городской. Холмистые поля простирались до самого горизонта, темный перелесок, белая церковь виднелась вдали... И когда я читал там книжку Есенина, то его стихи удивительно совпадали с моим ощущением родного края, как бы заново мной обретенного.

Топи да болота,
Синий плат небес,
Хвойной позолотой
Взвешивает лес.

Тенью синица
Меж лесных кудрей,
Темным елям снится
Гоним косарей.

По лугу со скрипом
Тянется обоз —
Сухая лопата
Пахнет от колес.

Я не хочу сказать, что ни до, ни после не было других поэтов, других стихов, которые производили бы на меня

и все ж». Как, например, в одном из стихотворений кабацкого цикла:

Но и все же
отхожу я в поклоном
К тем полям,
что когда-то любил.

Или позже:
Но и все же хочу
Видеть бедную, я стальную
нищую Русь.

И если присмотреться, от чего поэт самозабвенно отказывается и не может отказаться — что он принимает, иногда с оговорками, иногда без оговорок, то станет ясно, что он все более и более решительно, твердо и широковерно поддерживает новую, начинающуюся жизнь, новый путь — вместе со всей страной, со всем народом, но, конечно, и теперь «по-своему, с крестьянским уклоном».

Поэзия советской деревни обязана своим возникновением, по-видимому, прежде всего именно Есенину. В «Ане Снегину», в стихах о Руси уходящей и Руси советской он первым дал живые куски послевоенной деревенской жизни. И сделал это с такой силой правды, что продолжение его оказалось нелегко даже очень талантливым поэтам. Нередко у них заявляла о себе та самая безымянность, которая совершенно чужда Есенину.

Владимир СОКОЛОВ

Свет поэзии

столь же яркое и глубокое впечатление, от такого наглядного превращения жизни в поэзию никогда больше я не встречал и такого щемящего сопереживания слова и чувства не испытывал. С тех пор Есенин для меня во все и не был тем Есениным, каким представлялся, как я впоследствии выяснил, многим моим товарищам. Видимо, Елена Благина правильно сделала, что перед поездкой на родину подарила мне именно ту книжку поэта, где приближаются сами истоки его поэзии, где ничем не замутненная любовь к родной земле, общая наша невысказанная любовь, живет без всяких деклараций как повседневное прекрасное чувство.

Полным неостраченных сил, открытым, вдохновенным юношей, идущим по полям и лесам своей Рязанщины, а может, и моей Твери, увидел я тогда Есенина по его ранним стихам, таким он и остался для меня навсегда, хотя вскоре я уже знал его целиком и знал во всех доступных подробностях, как непросто складывалась судьба поэта. И я думаю, что Есенин так много успел сделать за свои тридцать лет как раз потому, что в глубине своей, по натуре был нравственно очень здоровым человеком.

Знаменитая книга «Москва кабацкая» вовсе не была, как может показаться на поверхностный взгляд, апологией личной растерянности и тоски. Это трагический документ поразительной искренности о состоянии многих людей в начале века, которым чудилось, что революция зашла в тупик, что сместились, перепутались времена и затмилась дорога, только что отчетливо выдвигавшаяся. Там страшная беда, но человек не сломлен окончательно, потому что не лишен нравственной основы. Он мучительно переживает свой внутренний разлад и, как всегда у Есенина, напряженно пытается разобраться, что произошло и происходит, от чего-то отказывается, что-то принимает, с трудом преодолевая сопротивление, почти физически ошутимое в характерном есенинском обороте «но

и вновь вернулся я в отчий дом, Чужою радостью утешусь, В зеленый вечер под окном На руке своем повешусь.

Думаю, что, несмотря на прямое утверждение, здесь вовсе нет речи о реальном самозабвении, а есть такое восхищение «зеленым вечером», что в пору, как говорится, умереть от счастья. Кстати, однажды, в стихотворении, посвященном Пушкину, Есенин так и сказал:

Я умер бы сейчас от счастья, Сподобленный такой судьбе. Недавно Сергей Залыгин заметил, что есенинская любовь к природе, трогательная забота о «братьях наших меньших» приобретает сегодня и эколо-

гический, особенно актуальный смысл. Ради сохранения жизни природы все больше нуждается в защите от варварского обращения. И здесь Есенин — наш деятельный союзник. Правда, и сам он как часть природы тоже нуждается в защите — от чрезмерного углубления в личную жизнь, от нездоровой мифологизации тех или иных его бытовых поступков и привычек.

В поэзии Есенин отчетливо сознавал себя продолжателем русской классической традиции. Но продолжение было бы невозможным без ее развития и обновления. Не случайно даже само слово «новое» как бы приподымается в есенинской строке:

Только новое
мой брызжет шаг... Новизна — задача каждого поэта. Решая ее, Есенин постоянно обращается к Пушкину. Об этом он прямо говорит и в посвященном Пушкину стихотворении «Мечта о могучем даре...» (1924 год), и в последней автобиографии: «...теперь меня тянет все больше к Пушкину».

В том же 1924 году и по тому же поводу — отмечалось 125-летие со дня рождения великого поэта — Маяковский написал свое «Юбилейное», а спустя два года — стихотворение «Сергею Есенину». Нет больше у Маяковского стихов такого масштаба, обращенных индивидуально к кому-то из поэтов. Только эти два, посвященные Пушкину и Есенину. Уже этот факт показывает, как серьезно, несмотря на полемичность всякого рода, относился Маяковский к Есенину.

У народа, у языковорца, у забытого подмастерья. Быть подмастерьем у народа — не значит ли это быть мастером среди мастеров? Мы знаем также, какой сокровенный смысл вкладывал Маяковский в слово «звонкий», отмеченное здесь к Есенину (вспомним: «Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс»).

Характерно, что в последней своей поэме «Во весь голос» Маяковский заявляет: Я к вам приду в коммунистическое далекое, не так, как песенно-есенинский провозглас.

Пусть не так, по-своему. Но и Есенин, по мысли Маяковского, придет в это «далеко». И мы, хотя и не из такого далекого будущего, можем свидетельствовать, что и Маяковский, и Есенин действительно не остались в прошлом, они с нами и несущо нужны нам сегодня и будут нужны завтра.

К. ВОРОНЦОВ

Из детства

Клавдий Петрович Воронцов (1898—1962) — друг детства поэта. На известной, часто публикуемой фотографии Константин Воронцов сидит рядом с Есениным.

В годы революции и гражданской войны он стал одним из вождей сельской молодежи, работал в колхозе, боролся с бандитизмом. Воспоминания о написании под непосредственным впечатлением от известия о смерти поэта. Они широко использовались в различных работах о Есенине, но самостоятельно не печатались.

После окончания сельской школы и учителя, и другие настаивали, чтобы Сергея отдали в среднее учебное заведение. Отца с матерью уговорили, и они решили отдать его учиться в воиновскую школу в село Спас-Клепики.

Когда он в летнее время приезжал на каникулы, то увлекался ловлей руками из нор в Оке раков и линей. В этом он отличался смелостью, ловил преимущественно в глубине,

Мало кого из писателей любят так, как любят Есенина. Любят самых разных вкусов и литературных пристрастий дорог и близок образ поэта — у каждого свой, нередко очень субъективный, но единый в главных, определяющих чертах. Вот почему с неизменным интересом встречались читателями и отдельные мемуарные публикации о Есенине, и сборники, позволяющие воссоздать по свидетельствам современников, живой облик поэта.

Сейчас в издательстве «Художественная литература» готовится еще один, свод воспоминаний о Сергее Есенине. Новый сборник, рассчитанный на два тома, будет значительно пол-

нее предыдущих. В него включен ряд очерков (например, В. Рождественского, В. Мануйлова, В. Паста, А. Воронцова), которые раньше в аналогичные издания не входили. Мемуары И. Грузинова, И. Розанова, В. Чернышова и многих других авторов представлены более широко. Впервые здесь будут напечатаны воспоминания матери поэта Т. Ф. Есениной, друга его детства К. Воронцова. Войдут в сборник и не публиковавшиеся прежде на русском языке мемуары бельгийского писателя Франца Элленса.

Предлагаем вниманию читателей страницы из рукописи сборника «С. А. Есенин в воспоминаниях современников».

ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

Т. Ф. ЕСЕНИНА

О сыне

Журналисты, писатели, литературоведы, бывавшие на родине Есенина, в Константиновском, встречались с его матерью Татьяной Федоровной (1875—1958), рассказывали ее о сыне. Но что-то затем попадало в печать. Многие рассказы матери приводят сестры поэта Е. А. и А. А. Есенины. Но сами по себе воспоминания Т. Ф. Есениной не были записаны и авторизованы. Сохранилось, однако, фонограмма ее короткого рассказа о сыне.

Родился в селе Константиновое. Учился в своей школе, в сельской. Кончил четыре класса, получил похвальный лист. После отправки мы его в семилетку. Не успел туда пойти, в семилетку, в то время. Было только доступно господским детям и поповым, а крестьянским нельзя было. Но он учился хорошо, мы согласились и отправили. Он там проучился три года. Стихи писал уже. Почитает и скажет: «Послушай, мама, как я написал».

Ну, написал и кладет, собирал все в папку. Читал он очень много всего. Жалко мне его было, что он много читал, утомлялся. Я походил погасить ему огонь, чтобы он лег, уснул, но он на это не обращал внимания. Он опять зажег и читал. Дожидался до такой степени, что рассветет, и, не спавши, он поедет учиться опять.

К. ВОРОНЦОВ

Из детства

Клавдий Петрович Воронцов (1898—1962) — друг детства поэта. На известной, часто публикуемой фотографии Константин Воронцов сидит рядом с Есениным.

В годы революции и гражданской войны он стал одним из вождей сельской молодежи, работал в колхозе, боролся с бандитизмом. Воспоминания о написании под непосредственным впечатлением от известия о смерти поэта. Они широко использовались в различных работах о Есенине, но самостоятельно не печатались.

После окончания сельской школы и учителя, и другие настаивали, чтобы Сергея отдали в среднее учебное заведение. Отца с матерью уговорили, и они решили отдать его учиться в воиновскую школу в село Спас-Клепики.

Когда он в летнее время приезжал на каникулы, то увлекался ловлей руками из нор в Оке раков и линей. В этом он отличался смелостью, ловил преимущественно в глубине,

где никто не ловил, и всегда наваливал больше всех. В жаркое летнее время он просиживал в воде целыми днями. Не меньше, чем этим, он увлекался ловлей утят руками. За это ему один раз чуть было не попал от помещика Кулакова. Однажды пошли мы с ним ловить утят, как вдруг появились сын помещика и упрямый. Они бросились за ним, а Сергей в это время только поймал утенка и не хотел отдавать его им. Пришлось нам с ним голыми бежать по лугу, чтобы скрыться. Бывали и такие случаи, когда ребята ловят утят и никак не поймут, а он раздетый, кинется в воду, и утенок его. За это ему от ребят попадало...

Во время учебы во второй классной школе Сергей стал сочинять стихи, но не публиковал их. Мне в то время стихи его нравились, и я просил, чтобы он больше писал. Помню, например, такое стихотворение:

Милый друг, не рыдай,
Не рыдай слез из глаз
И уйдешь не страдая:
Близок счастья тот час,
и т. д.

Стихов в то время у него было много. Они до настоящего времени не печатались... Окончив второклассную школу, он стал на жизнь смотреть серьезно. Существовавший строй ему был не по душе. Поэтому он всегда вступал в споры против религии и в политическом отношении и, недосягаемо, считался непослушным. Еще в 1912, 1913, 1914 годах он сшил себе крест и не носил его, за что его ругали в доме. Если кто его называл «безбожником», а это слово в то время было самым оскорбительным, он усмехался и говорил: «Дурак».

Спустя немного времени после окончания школы Сергей уехал в Москву. Поступил на службу в издательство Ситина корректором. Жил он в Москве, я не знал, но он мне писал и присылал в подарок книги.

Приезжал он из Москвы в последнее время в 1924 и 1925 годах и всегда посещал родных и товарищей. Односельчане считали Сергея Есенина умным, талантливым человеком. Он отличался энергичностью, смекалкой. Очень любил музыку, в особенности гармонью. Приехал однажды к нему в Москву, как помню, а в День Парижской коммуны в 1925 году. Так он почти всю Москву обегал, доставая мне гармонику, чтобы я ему сыграл. Это я говорю к тому, что к музыке деревенской он был неравнодушен...

Это было в то время, когда я вместе с моей женой переводил его стихи. Я видел его каждый день в небольшом особняке Айседоры на улице Помп, то в отеле «Крийон»,

где супружеская чета спасалась от сложностей домашнего быта...

Мне вспоминается вечер, когда одновременно раскрылись и драма этих двух людей, и подлинный характер Есенина.

Я пришел, когда они были еще за столом, и застал их в каком-то странном и мрачном расположении духа. Со мной едва поздоровались. Поглосценные друг другом, как юные любовники, ничего не замечавшие вокруг, они, однако, находились в ссоре. Насколько мгновенный спуск Айседоры мне рассказала, что слуги отравляют им жизнь, что этим вечером здесь разыгрались отвратительные сцены, которые привели их в смятение...

Но внезапно Айседора снова подобралась и, сделав над собой усилие, пригласила нас пройти в ее студию — в тот огромный зал, где находилась эстрада и вдоль стен стояли диваны с подушками. Она попросила меня прочитать только что законченный мной перевод «Пугачева», строки которого — это и действующие лица, и толпы народа, ветер, земля и деревья. Я прочитал, хотя и неохотно, потому что боялся испортить своей робостью и неважной дикцией великодушную поэму, одновременно резко и нежную. Айседора, очевидно, не была удовлетворена моей декламацией, потому что тотчас же обратилась к Есенину с просьбой прочитать поэму по-русски. Как же мне было стыдно, когда я услышал и увидел, как он читает! И я поспешно прислонился к его поэзии Есенина, то неистовствовал, как буря, то шепестел, как молодая листва на заре. Это было словно раскрытие сердца, это было раскрытие темперамента. Никогда в жизни я не видел такой полной слиянности поэзии и ее творца. Эта декламация во всей

полноте передавала его стиль: он пел свои стихи, он вещал их, выплевывая их, он то ревел, то мурлыкал со звериной силой и грацией, которые пронзали и околдовывали слушателя.

А. ВОРОНСКИЙ

Высокая простота

Литературный критик и публицист Александр Константинович Воронский (1884—1943) в годы знакомства с Есениным был редактором журналов «Красная новь» и «Пролетар», в которых поэт широко печатался. Перу Воронского принадлежит ряд статей о творчестве Есенина. Хотя поэт отнюдь не всегда соглашался с критиком, бывало и спорил с ним, но неизменно с большим вниманием относился к его суждениям о своих стихах. Воронскому посвятил Есенин поэму «Анна Снегина».

Воспоминания были написаны и опубликованы в 1926 г. и с той поры не перепечатывались.

Любимым прозаиком его был Гоголь. Гоголя он ставил выше всех, выше Толстого, о котором отзывался сдержанно. Увидев однажды у меня в руках «Мертвые души», он спросил:

— Хотите, прочту вам место, которое я больше всего люблю у Гоголя, — и прочитал наизусть начало 6-й главы I части.

Напомню главу в отрывке и с пропусками:

«Прежде, давно, в лета моей юности, в лета невозвратно мелькнувшего моего детства, мне было весело подвешивать в первый раз к незнакомому месту: все равно, была ли дерезушка, бедный уездный городишка, село ли, слобода, — любопытного много открывал в нем детский любопытный взгляд. Всякое строение, все, что носило только на себе печать какой-нибудь заметной особенности, — все останавливало меня и поражало...»

Теперь равнодушно подвешиваю ко всякой незнакомой деревне и равнодушно гляжу на ее пошлую наружность; моему охлажденному взору неприятно, мне не смешно, и то, что пробудило бы в прежние годы живое движение в лице, смех и немолчные речи, то скользя теперь мимо, и безучастное молчание хранит мои недавние уста. О моя юность! о моя свежестя!

Эти слова из Гоголя, думаю, могли бы служить лучшим эпиграфом ко всему написанному Есениным.

Очень ценил он Клюева и считал себя его учеником. Из молодых прозаиков удержал в памяти высокую оценку вещей Всеволода Иванова. Как будто больше всего ему у него нравилось «Дитя» и «Цветные ветры»...

О технике в поэзии Есенин отсылал в последние годы неодобрительно и враждебно: — Знаем мы все эти штуки. Они думают, что все эти формальные приемы и ухищрения нам неизвестны. Не меньше их понимаем и в свое время обучились достаточно всему этому. Писать надобно как можно проще. Это трудней.

Его «простое» мастерство было высоким. Поэтический лексикон Есенина с первого взгляда незатейлив и даже беден, но проследите, что он делает в своих стихах с черемухой, с садом, с березкой: они у него всегда наши, родные и всегда выглядят по-новому. Даже избитое, шаблонное и трафаретное освежалось у него напором чувств и подкупающей искренностью.

С. ТОЛСТАЯ-ЕСЕНИНА

С огромным уважением и любовью

Из письма А. М. Горькому. Есенина (1900—1957) не оставила воспоминаний о муже. Однако в ряде подготовленных ею материалов, в ее письмах содержится важные свидетельства о его жизни и творчестве.

«Москва, 15 июня 1926 г.»

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович, посылаю Вам копию письма моего мужа к Вам.

Оригинал хранится у меня. Копию я сылала точную, соблюдая его орфографию. Если Вы захотите, я с верным случаем переishу Вам оригинал.

Вы видите, что письмо было написано еще летом. Отправка его была связана с отправкой Вам книг. Вот все это — о судьбе книг и письма — я должна и хочу рассказать Вам.

В июне прошлого года Д. К. Богомильский передал Сергею, что Вы спрашиваете о нем и хотите увидеть его книгу. Это очень обидело и возмущало. Он сейчас же написал Вам письмо и стал собирать для Вас свои книги. У самого у него никогда их не было. В магазинах почти все было распродано, надо было разыскивать, а посылать только часть — не хотелось. Одну книжку — «Персидские мотивы» — он напечатал в Москве. Но после его смерти я не могла найти ее, чтобы послать Вам. Если найдю, то сейчас же вышлю Вам.

Так затнута была отправка письма и книг. Мы вскоре уехали на Кавказ. А когда вернулись, то Сергей несколько раз говорил, что не стоит теперь посылать эти книжки, а лучше дожидаться выхода полного собрания в Госиздате уже после его смерти. Исполняя его волю, я послала Вам I и II томы (через Екатерину Павловну) и по выходе III и IV пошла и их.

И еще мне хотелось сказать Вам, что почти ни о ком и никогда Сергей не отзывался с таким огромным уважением и любовью, как о Вас. Он очень, очень часто вспоминал о Вас, мечтал, что Вы приедете в Россию, и одно время (осенью) постоянно говорил о Вашем приезде. Почему-то он думал, что Вы приедете весной.

Говорил о том, что хотел бы с Вами работать в журнале. Накануне своего отъезда в Ленинград, за пять дней до смерти, он опять стал вспоминать Вас и много мне о Вас рассказывал. О том, как Вы ему мемуары подарили (он был с ним до конца), о своем разговоре с Вами, когда Вы его упрекли за то, что он пьет, а он Вам объяснял, почему он пьет. Помните ли Вы этот разговор? — И опять то же чувство бесконечного уважения и любви. С этим разговором о Вас у меня связаны последние воспоминания о живом Сергее.

И опять он говорил, ахая и огораясь, что надо, надо послать книги и что вот — до сих пор не послал!

Вот это все главное, что у меня осталось. Дорогой Алексей Максимович, я знаю, что Вы любите Сергею, и поэтому я надеюсь, что Вам дорог и нужен мой рассказ и Вы поймете, почему я решила писать Вам. Может быть, когда-нибудь судьба приведет нас, и на словах я Вам смогу рассказать многое о нем, что в письме не укладывается. Еще забыла Вам написать, что Сергей собирался за границу и во всех разговорах о заграничье он непременно говорил о том, что поедет к Вам...

Публикация А. А. КОЗЛОВСКОГО